

21 ОКТ 1982

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Разные лики любви

Гастроли в Москве Ленинградского академического театра имени А. С. Пушкина

Ленинградскому академическому театру драмы имени А. С. Пушкина — 225 лет. Сколько раз за эти столетия театр переживал вальсы, сколько раз расцветал и «опедал»...

Вот и сейчас театр переживает не лучшие свои времена. За последнее время он потерял целую плеяду мастеров, составляющих осязную гордость труппы.

Попробуем же разобраться в объективно заданной нам реальности — спектаклях ленинградцев... «Элегия» П. Павловского, «Моя любовь Электра» Л. Дюрко, «Живи и помни» В. Распутина, «Дети солнца» М. Горького...

Главное достоинство гастролей — последовательно составленный репертуар. Это спектакли о разных, всегда предельных ликах любви, об экстремальных ситуациях и «экстремальных» людях. Но какие же они разные...

Пьеса П. Павловского, хорошо знакомая москвичам, прошла по многим сценам и напо-

нила о себе в столице в канун грядущего года Тургеневых. Эта пьеса о сложных, порой драматических отношениях писателя Ивана Сергеевича Тургенева (В. Фрейндлих) и актрисы Марии Савиной (В. Панина), вышедшей для своего бенефиса «инетеатральную» драму «Месяц в деревне». Пьеса о двух больших художниках, навлекая письма и встречи. Пьеса о трагических коллизиях общения мятущейся, ищущей себя молодежи с неисчерпаемой и по-прежнему беспокойной старостью. Пьеса об исканиях идеальной любви и идеальных отношений.

Художник Давид Лидер в кинотном соавторстве с режиссером нашел очень яркое, зрелищное решение спектакля. Пьеса начинается с бенефиса М. Савиной, когда дождь цветов — белый роз — осыпает актрису. Усыпанных бутафорскими цветами пол таким и остается до финала. Розы, распутившись, зацветут в руках героев

письмами друг к другу. Горящие прожектора, прочертив в пространстве сцены множество прихотливых линий, не успокоятся на этом. Они не раз вмещаются в действие. Их увенчают венками из белых бумажных роз, превратив в садовую аллею, зазвучавшую вполне мирно в этом серьезном мире внутренних страстей. А под занавес разыгрывающиеся фонари прочтут по сцене хороводный прощальный круг в память неисполнимости идеала. Отсюда грустная элегическая интонация, определявшая жанр и название.

Пьеса, сосредоточившись на нюансах, поворотах, мгновениях и мигах движения человеческих душ, очень трудна для театра, сложна, но интересна для актеров и нуждается не только во внутренней организации, но и в зрелищно выразительной подаче. Да и сам порыв к идеалу, поиск его — это не покой, а именно движение...

Пьеса Лассло Дюрко «Моя лю-

бовь Электра» построена на прямо противоположных драматургических законах. Она остродействительна и яркосоужетна. Эта пьеса-спор основана на известном мифе о кровавом воцарении Эгиста ценой убийства прежнего властелина. Здесь властвует любовь Клитемнестры (И. Вонсенская) к Эгисту (Н. Мортон).

Миролубие Ореста сталкивается с непреклонностью Электры. Итак, спор идей, полифония мнений. Художник (дипломник ЛЭТИМКА Е. Ельчин) максимально освобождает сцену — лишь белая материя, изыщно стилизованная под колонны храма, да маски и скульптуры чужих, идолов ненавязчиво для трагического пространства присутствуют на сцене... Подростки очищены для трагедии, но их запленило не действие, а трагическое Слово, став полновластным хозяином пространства.

Подзаголовок к испениривке известной распутинской пове-

сти «Живя и помни» гласит: народная драма... К сожалению, народна она лишь количеством лиц на сцене. Современная трагедия Валентина Распутина — о трагедии духа, сумевшего превозмочь реальные катаклизмы жизни... Речь идет о любви Настены к мужу Андрею Гуськову, сбывшему с фронта и окрышшемуся от сельчан. О трагедии обреченной на смерть любви, жаждавшей самовыражения и вседа в ребенке. О любви — и людской молве, разрушающей любовь...

Высокие метания духа, трагическая история любви превращены театром в выписанную бытовую мелодраму. Картины водятся вверх руки, пышно вато проклянутые слова. Трагедия формируется голосом. Единое по накалу страстей произведение оказалось развитым здесь на жанровые зарисовки, на эпизоды, мгновенно сбойрванные с жизни. Театр явно не находит единого поэтического

ключа, сценического эквивалента высокой прозе...

Пьеса М. Горького «Дети солнца» — об «экстремальном» характере, ученом Протасове, абсолютно небытовом, не мыслящем себя и на мгновение за пределами науки. И жгившемся-то, кажется, только для того, чтобы это не мешало ему работать. Вот уж поистине одна, но пламенная острота сжигает человека. Он максималист. Окружение его — многоголосие и разнообразие жизни, выраженные типаж и яркие типы. Вот уж где простор был для жанрово-варисовочного воображения (так неудачно примененного в распутинском спектакле). Если бы... Если бы все играли на главного героя, не превращая свою находку в самоцельную демонстрацию себя. Но, увы, в спектакле не оказалось единого ансамбля.

Из общей вавилонской атмосферы выделяется, как и должно быть, Протасов (И. Гор-

бачев). Выделяется своей отрешенностью от суеты и неучастием в напыщенной жизни спектакля. Правда, иногда и он попадает под общий не слишком удачный и точный тонус сценического действия. И тогда отрешенный, неуклюжий, какой-то нездешний Протасов оказывается вдруг не самим собой.

В целом спектакли ленинградских гостей оставляют двойственное, противоречивое впечатление. Порадовала принципиальная драматургическая позиция театра в спектаклях, привнесенных в Москву. Здесь есть своя определенная гражданская точка зрения, взгляд на личность и на ее место в обществе...

Тем не менее в режиссуре это не всегда выходит свое выражение: Затруднительно было проследить единую творческую линию, определить эстетические пристрастия.

В. ИЛИМОВ